

<https://opteey.livejournal.com/>

**Редекоп Владимир
Петрович**

Воспоминания о деревне Григорьевка (основана в 1889, прекратила существование в 1926). Часть 3.

03 июля 2023

<https://opteey.livejournal.com/8793.html>

Dietrich Dyck (1878-1940). Воспоминания Elisabeth Peters (daughter).

Жизнь в Григорьевке была очень приятной. У нас было прекрасное воспитание, достаточно денег, чтобы жить безбедно, и могли наслаждаться некоторыми предметами роскоши, такими как поездки наших родителей на учительские конференции в Одессу и другие прекрасные курорты на Черном море. Мама рассказывала мне, что первые годы жизни в Григорьевке были самыми счастливыми в их браке, пока над ними не нависли темные тучи Первой мировой войны, за которой последовали анархия, гражданская война и разруха повсюду в России. После ухода немецких защитников и тяжелой политической ситуации, когда к власти пришли большевики, деревня жила в атмосфере

страха за будущее. Учителя были особенно обеспокоены, потому что все религиозные занятия в школах были запрещены. В правительстве царила неразбериха; министерства, возглавляемые некомпетентными людьми, менялись почти каждый месяц. Учебники, которые использовались до сих пор, были запрещены, и школы, в которых инспектор обнаружил их использование, были строго наказаны. Учителя, которые отказывались преподавать пропагандируемый сейчас атеизм, боялись потерять свои дипломы. Мой отец был подавлен мыслью о том, что ему придется пожертвовать своей честностью, и подумывал попробовать свои силы в сельском хозяйстве, если новая земельная сделка, по которой часть земли отбиралась у владельцев больших участков и передавалась безземельным, станет реальностью. Послереволюционные годы были кошмаром. Григорьевка решила не участвовать в организации отрядов самообороны (Selbstschutz). Отрицающие насилие меннониты с трудом приняли эту меру, а наши священники и советники испытывали проблемы с совестью, когда небо пылало, когда горели имения преуспевающих меннонитов (и русских тоже), а садовые дорожки были красными от крови, когда мирные хозяева домов пытались спастись и были жестоко убиты. Но Selbstschutz не могли преодолеть численное превосходство тех, кто присоединились к насилию. На землю пришел голод, страшный тиф и дизентерия унесли тысячи жизней, которых пощадил Махно. Нищие с улиц подходили к нашим дверям, когда у нас самих не хватало денег. И все же наш отец преподавал до конца весеннего семестра. Почти ежедневно принимались новые учебные программы, но поскольку силы у власти менялись часто, иногда от месяца к месяцу, иногда даже от недели к неделе, было политически опасно преподавать по текущей программе или использовать учебники, предписанные ранее действующей администрацией всего несколькими неделями ранее. Меннонитские школы находились под угрозой, поскольку любое религиозное обучение считалось государственной изменой.

Инспекторы приходили и уходили в зависимости от политических изменений, поэтому преподавательский состав Григорьевки в итоге использовал дореволюционные учебники, которые были тщательно спрятаны под кучей песка в глубоком школьном подвале, когда к школьному двору подъехала незнакомая машина. В качестве меры предосторожности все фотографии царя и царской семьи были вырваны из старых текстов и уничтожены. Отставка отца осенью 1921 года совпала с "голодным годом"; тяжелая экономическая ситуация оставила его семью без средств к существованию. Согласно новым законам, мы были безземельными, и, когда перераспределение земли проводилось путем сокращения площадей существующих фермеров, земля доставалась тем, у кого ее не было. Отец использовал те небольшие сбережения, которые у него были, и купил упряжку лошадей и двух коров, чтобы начать заниматься сельским хозяйством. Он уже вырыл погреб — *zemlin* (подвал, покрытый импровизированной соломенной крышей, чтобы не строить стены). Но страна стремительно приближалась к краху экономики, и растущие расходы на жизнь едва могли покрыть те, кто не выращивал урожай или сады в прошлом году. Наступила осень, и наше положение было отчаянным. Нас было семеро детей, старшему шестнадцать, младшему чуть больше года. Полный неурожай из-за засухи сделал почти невозможным покупку муки и других предметов первой необходимости. Отец, видимо, был в отчаянии и принял предложение отвезти мистера Фризена и еще одного человека в Мемрик, где у Фризена было поместье, за мукой и другими продуктами, которые еще оставались на его участке. За эту услугу отец должен был получить 100-фунтовый мешок белой муки. Мать и остальные члены семьи умоляли его не ехать, но отец знал, что у нас в запасе всего два фунта, а купить ничего нельзя. На обратном пути, в ночь с 30 сентября на 1 октября, они попали в засаду возле русской деревни, расположенной примерно в двадцати километрах. Им пришлось раздеться и выстроиться на

близлежащем холме. Мой отец был в центре. Он был ранен дважды - в спину и в голову. Двое других мужчин смогли убежать: один прыгнул в пруд, другой - в заросли кустарника. Зима после смерти нашего отца, в год великого голода, была трудностей и печали. Нам очень повезло, что мы получили пустой летний домик, но у нас не было топлива. Дитрих, которому было чуть больше года, вынужден был целыми днями лежать в постели, и у него все еще было много обморожений, которые лопались и гноились на его детских руках. Две наши коровы были единственным источником дохода; когда одна из них "засохла" перед отелом, то не было масла, чтобы обменять его на основные продукты питания, такие как сахар и мука. В ту зиму мы ели только тяжелый черный хлеб, приготовленный на закваске без единой крупинки пшеничной муки, чтобы облегчить его. Он был склизким и тошнотворным, но таким редким и ценным, что наша мать попросила Генриха вбить шестидюймовый гвоздь в потолочные балки, чтобы повесить хлебницу. Перед едой она поставила стул, потом стол, чтобы спустить его вниз. Очень аккуратно она отрезала для каждого из нас ломтик шириной в два пальца и длиной в четыре дюйма. У каждого из нас была маленькая тарелочка, хотя хлеб почти всегда был единственным блюдом в меню - без масла, потому что мы продавали его, чтобы купить черную ржаную муку. Но на голом столе всегда красовалась маленькая веточка герани или зелени. После того, как мы ели медленно, вдумчиво, чтобы еда затянулась, Соня и Элла должны были вымыть немногочисленную посуду. Они сильно недоедали, и у них не было сил на это. Они ставили тарелки в тазик на кухонной скамье, стоящей на коленях, и опускались на пол, чтобы вымыть их. Два раза Элла, которая слишком быстро росла после долгой осады пневмонии, упала в обморок. У Сони начались мучительные голодные колики из-за пустого желудка, и мать дала ей квадратный дюйм хлеба, потому что еды не будет до следующего дня в час ночи, а завтрака никогда не было. Будучи еще совсем маленьким, я помню, что

наблюдал, как мамин кусок хлеба становился все короче и короче. Все мы сидели, молча, голодно глядя на маленький кусочек для Сони, особенно годовалый Дитрих, который протягивал руки, надеясь получить несколько лишних крошек. Зимние дни были короткими. У нас почти никогда не было достаточно керосина, чтобы зажечь лампы, и часто не было соломы, чтобы разжечь огонь. Часто темные вечера очень тускло освещались Schmurzschoavil — маленьким блюдцем с растопленным салом или маслом и кусочком шерстяной ткани для фитиля. Мне всегда казалось, что при таком освещении в комнате становилось тусклее, возможно, из-за жутких синих теней вокруг призрачного пламени. Вечера тоже были тоскливыми. Стоически все, кроме маленького Дитриха, должны были умыться и причесаться. На следующий год удача улыбнулась нам. Погода была благоприятной для выращивания урожая, овощей и особенно фруктов, так что мы могли рассчитывать на продукты питания из сада. Ленин пытался внедрить свою новую экономическую политику (НЭП), и, несмотря на невероятную инфляцию (20 миллионов рублей за пару ботинок или фунт масла), жизнь стала более сносной. Наш дядя Яша (Функ), брат моей матери, также оставил свою должность в Нью-Йорке, чтобы присоединиться к преподавательскому составу Григорьевки. Он был нашим опекуном (Vormund), в обязанности которого входило заботиться об интересах детей вдов и брать на себя часть ответственности за их воспитание. У вдов также были советники (Gootmann), которых они могли выбирать из сельсовета. Николаю Альбрехту, Корнелиусу Крану и Гансу Брауну было предложено взять на себя эту роль. Они были большой поддержкой для нашей матери в ее борьбе за материальное выживание, но не могли облегчить нашу бедность. Они и дядя Яш убеждали нас эмигрировать в Канаду, поскольку материально нам нечего было терять. Еще один мамин брат, дядя Герхард Функ из Хортицы, подал заявление на получение наших паспортов в Канаду. Он был членом правления Verband der Bürger holländischer Herkunft, меннонитской

организации, которая занималась содействием эмиграции. Его должность, вероятно, стоила ему жизни. Его забрал в 1930-х годах "Черный воронок" и больше о нем не слышали. Его сына Константина постигла та же участь. Тем летом мы получили паспорта и визы для эмиграции в Канаду. В сентябре нас всех упаковали в товарные вагоны вместе со многими другими эмигрантами-меннонитами, и мы начали долгий путь через прекрасный осенний пейзаж в Москву. Каждый член семьи, кроме Дитриха, который был слишком мал, должен был нести один предмет ручной клади. Соня везла нашу семиструнную гитару, но я никогда не видел ее в Канаде - либо память меня обманула, либо мы продали инструмент в Винклере за столь необходимые деньги. Гитара играла важную роль в нашей семье, поэтому, скорее всего, я прав, предполагая, что Соня несла ее всю дорогу. Элла несла ручную швейную машинку, я - маленькую подставку для ног, которую наш брат Генри сделал из дерева для матери на первое Рождество после смерти отца. Его до сих пор бережно хранит вдова Генри. 6 октября 1925 года мы приехали в Розенфельд, Манитоба, такие благодарные за то, что оказались в этой новой стране с ее безопасностью, трудностями и обещанием более счастливой жизни. Нас с любовью принял Антон Функ, дядя матери, его нежная жена и прекрасная семья. К концу дня только мама, Мия (Дитрих) и я были свободны, потому что все остальные, даже тринадцатилетняя Элла, имели работу. Поскольку у них была бесплатная комната и питание, а также одежда, все их доходы были немедленно отправлены в Совет по колонизации в Ростерне, Саскачеван, в попытке уменьшить Reiseschuld (долг за проезд), которые мы задолжали Канадской Тихоокеанской железной дороге — мельничному жернову на шее каждого Rusländer, приехавшего в Канаду в кредит.

Henry Albrecht. Life in Grigorievka До прихода меннонитов на предместной территории было всего несколько построек — в основном сараи для овец и хижины пастухов. Деревня была

построена на гребне длинного, широкого холма. На некотором расстоянии от нее находился русский город Барвенково. В Григорьевке было две улицы; широкая, более длинная улица шла вдоль деревни от одного конца до другого, с обеих сторон ее окаймляли дома с красивыми фруктовыми садами и фермерскими домами. Наш дом был одноэтажным и состоял из семи комнат. Амбар был пристроен к дому, так же, как и сарай для корма к амбару. Большая часть зерна хранилась на втором этаже дома. Свинарник, курятник и сарай для скота находились на заднем дворе. Вторая улица образовывала перекресток в центре деревни. Церковь, школьные здания и дом учителя были построены на одном из угловых участков перекрестка. Это были прекрасные здания из красного кирпича с большим пространством для большой детской площадки. На другом угловом участке находился единственный в деревне магазин. Жителям деревни посчастливилось иметь собственные колодцы в своих дворах. Сельские фермеры не могли иметь все свои земли рядом с деревней, поэтому они были разделены на небольшие участки. Поэтому, по необходимости, часть земли находилась на расстоянии от деревни, что усложняло задачу для фермеров, потому что им приходилось брать с собой еду и корма на каждый день посева и сбора зерна. Весь урожай везли в деревню, складывали в красивые кучи и обмолачивали позднее. Для перевозки снопов использовались подставки (Lefterwagen), и снопы должны были быть красиво уложены (искусство) на подставки, а затем на кучи во дворе. У нас была своя молотилка и стационарный мотор для ее привода. Перед подачей снопов в сепаратор нити обрезают ручным ножом. Зерно увозили в мешках, мякину сдували на чердак сарая для зимнего корма, а солому складывали на улице. Мы сеяли пшеницу, ячмень, овес, просо, озимую пшеницу и рожь. Мы также посадили несколько пропашных культур, таких как кукуруза, подсолнечник, сахарный тростник, картофель и арбузы. Эти рядные культуры нужно было обрабатывать через разные промежутки времени. Работа,

которую я хорошо помню, была верхом на лошади, запряженной в садовый культиватор, а сзади шел кто-то другой, чтобы направлять машину; я делал это каждые летние каникулы, сколько себя помню. Удерживать лошадь между рядами в жаркие дни было не так-то просто, но мы справлялись, и это никогда нам не вредило. Все лето мы были чем-то заняты. Другой работой, которую мы должны были делать, было разбрасывание навоза на заднем дворе. После того как навоз был разбросан на восемьдесят дюймов, мы утаптывали его босыми ногами и деревянным топчаном. После того, как он лежал там определенное время, его разрезали на квадратные блоки и ставили на просушку. Это нужно было делать в разное время, пока все блоки не высыхали равномерно; затем их складывали в золу для зимнего отопления. Мы также отапливали свой дом соломой, если она у нас была. В каждом конце деревни было рукотворное озеро, куда мы ходили летом купались, а зимой катались на коньках. Было принято купать лошадей в озерах в субботу вечером после того, как они работали всю неделю. В этих озерах также водилась рыба. Два общественных пастбища в каждом конце деревни обеспечивали достаточное количество воды для скота. Как только трава становилась достаточно высокой, чтобы пастись, животных гнали на общинное пастбище. Дойные коровы шли первыми утром, сразу после того, как их доили. Пастух начинал с одного конца деревни и, пока он шел по главной улице, размахивая кнутом, фермеры выгоняли своих коров из подворотни на улицу. Затем их перегоняли на одно из пастбищ и наблюдали за ними весь день, поскольку заборов не было. Летом эта процедура повторялась каждый день. Когда вечером их приводили домой, каждый фермер должен был проследить за тем, чтобы его коров перегнали с улицы в его загон для дойки. Такой же метод выпаса использовался для овец, телят и лошадей. В садах было много фруктов - яблок, груш, слив и вишен, часть из которых мариновали, консервировали или сушили на зиму. Из арбузов и сахарного тростника производили сладкий сироп. Фермеры

производили почти все необходимое, - шерсть от своих овец и кожу от своих животных.

Когда Ленин возглавил большевистскую партию в 1917 году, ликвидация собственности происходила в форме безжалостного изъятия земли, денег и имущества всеми желающими. В годы после революции 1917 года у меннонитов были отняты многие привилегии, такие как свобода церковных служб и управления школами. Кроме того, бандиты часто нападали на невинных людей и грабили их имущество, а представители правительства смотрели на это сквозь пальцы. Я до сих пор помню, как бандиты въезжали в наш двор на своих худых и больных лошадях. Они заходили в наш сарай, выбирали двух наших лошадей, седлали их и уезжали, оставляя своих лошадей взамен. Когда пришла весна, эти лошади были слишком слабы, чтобы работать в поле, поэтому мы запрягли в одну упряжку двух дойных коров, и мне пришлось их везти. Вот это была упряжка! Я чуть не погиб. В середине 1920-х годов, в период Нового экономического плана (НЭП), ситуация несколько улучшилась, но не до того уровня, который был до революции. Коммунистический лозунг гласил: "Разрушить старое

и начать заново". Они разрушили старое, но еще не отстроили новое спустя 70 лет. Украина, где проживало большинство меннонитов, была одной из областей больше всего пострадала от гражданской войны. Люди жили под постоянным страхом грабежа, тюремного заключения, пыток и убийств. Более богатые меннонитские землевладельцы и владельцы фабрик были убиты ужасным образом, и более 2250 человек из меннонитского населения погибли в результате насилия или болезней. За несколько наполненных ужасом лет мирные и процветающие колонии были обобраны до нитки и поставлены на грань отчаяния. Принудительные поставки зерна - "Продналог" - требовали от сельских жителей больше, чем они были в состоянии произвести. Они должны были упаковать все зерно в мешки и доставить его в следующий город, где оно было сложено снаружи большими кучами. Из-за снега, дождя и жаркой погоды все зерно испортилось - какая расточительность. Было больно видеть, как гниет зерно и люди голодают. Налоги на зерно взимались самым жестоким образом, так что после грабежей разбойничьих банд мало что осталось. В вопросах образования государство взяло на себя полный контроль - а затем произошло столкновение в религии. Американский сотрудник по оказанию помощи сообщил о своем возвращении домой: "Трудно быть христианином везде, но в России это почти невозможно". Церкви были закрыты и превращены в клубные помещения или театры. Наш отец был активным человеком на родине. В последние годы пребывания там, в 1920-х, он был председателем сельсовета, что повлекло за собой многочисленные контакты с государственными органами и другими лицами, которые разрабатывали новое законодательство. Это была нелегкая задача, поскольку к тому времени существовала значительная напряженность между влиянием коммунистической партии и теми, кто предпочитал прежний образ жизни.

Johann and Helena Braun. Susanna (Braun) Loewen. Все крестьяне в деревне пользовались общим пастбищем. Утром пастух выводил скот на пастбище. Вечером мы могли издали увидеть, что скот толкается к обочине дороги, чтобы найти свой дом. Мы думали, что коровы очень умные. Их кормили кукурузой и тыквами; кукуруза хранилась в "кукурузных колыбелях". Было интересно найти высушенный початок кукурузы с красными и более темными зернышками. Мы сохраняли эти початки и использовали их для украшения. Семена тыквы мыли и жарили для нашего употребления. Навоз скота складывали в кучи, затем равномерно распределяли, чтобы лошади его топтали и уплотняли. Когда навоз высох, его разрезали лопатой на квадраты и складывали в стопки для интенсивной сушки. Затем квадраты снова складывали в большой улей. Этот большой улей был отличным местом для игры в прятки. Позже высушенные квадраты и солома использовались в качестве топлива для отопления. На большом столе в отдельной комнате дома мы кормили тутовник листья шелкопряда. Они были очень шумными едоками. Когда коконы были готовы, их помещали в кастрюлю с кипящей водой и постукивали деревянной ложкой. Каждый кокон давал одну шелковую нить. Когда шелковых нитей было достаточно, их скатывали в шарик. Несколько яиц шелкопряда мы хранили зимой в холодном месте. Весной, когда наступало время, мы заносили яйца в тепло, и вскоре из них вылуплялось множество маленьких червячков, и процесс начинался заново. Мама также прядла шерсть и по профессии была швеей. Она учила молодых женщин делать базовые выкройки из бальзы. С началом русской революции времена изменились, и жить становилось все труднее. Были планы эмигрировать. Мы все были заражены трахомой и прошли соответствующее лечение. По окончании лечения и повторного обследования выяснилось, что Мелита и Ганс не вылечились. Мне, как старшему ребенку (13 лет), доверили заботу о сестре (5 лет) и брате (4 года). Я отвезла их в Екатеринослав для дальнейшего лечения. Мы отсутствовали

несколько месяцев. После лечения брат выздоровел, а сестра нет. Стали договариваться о поездке в Москву на лечение. Я повез Мелиту в Москву, но наш врач, доктор Drury, не смог дать ей положительного заключения. Я сразу же написал отцу, но, к сожалению, планы эмиграции уже были окончательно решены, и откладывать отъезд было нельзя. Мелите пришлось остаться. В июне 1925 года мы выехали из Гавриловки поездом в Москву, оттуда в Ригу, столицу Латвии, а оттуда в морской порт, где сели на пароход "Baltara". Через пять дней мы пришвартовались в Англии. Там нас помыли, причесали, продезинфицировали всю одежду. После медицинского обследования выяснилось, что у нашего брата туберкулез. Власти решили, что нашей семье не разрешат выехать в Канаду. Вместо этого мы должны были отправиться в Парагвай. После слезного прощания с родственниками и друзьями отец бросился к нам. Он вручил матери паспорт и сказал: "Вы с детьми можете ехать в Канаду. Поторопитесь. Я останусь с Гансом". Моя мать и пятеро ее детей - исключая Мелиту и Ганса - сели на борт "Empress of Scotland". Через семь дней, 4 июля 1925 года, мы прибыли в Квебек. Через месяц мой отец и Ганс присоединились к нам в Канаде.

The Descendants of Wilhelm and Tina Buhler. Isaac Buhler. Вильгельм В. Бюлер-младший, (1867-1925), женился на **Марии Редекон** (1872-1953). Вильгельм переехал с родителями из Георгсталя в Григорьевку в 1888 году, когда ему был 21 год. Вильгельм заболел раком губы и умер 25 марта 1925 года. Он уговорил свою семью эмигрировать в Канаду после его кончины; они так и сделали. Вильгельм всегда был тихим человеком, в то время как его жена Мария часто брала на себя инициативу. Когда пришло время переезжать, Мария снова стала лидером. 9 августа 1926 года она со своими детьми покинула Григорьевку. Мария со своей семьей из восьми человек уехала вместе только для того, чтобы быть задержанной в Москве на один месяц. Двое получили разрешение уехать в Канаду в 1926

году. Шестеро оставшихся в конце концов решили отправиться в Мексику. Они отправились в Германию и 27 октября 1926 года сели на корабль в Роттердаме. Путешествие через Испанию на Кубу заняло две недели. 17 ноября 1926 года, через месяц после отплытия из Роттердама, они прибыли в Веракрус, Мексика. Оттуда они отправились на север и прибыли в Гранд-Форкс, Северная Дакота, 6 февраля 1927 года.

The Journey from Russia to Canada. Anne (Buhler)

Rempel. Времена становились очень тяжелыми, и после нескольких поездок в Москву мы все еще не были готовы покинуть Россию. Все, что мы не хотели или не могли взять с собой, было продано в октябре 1923 г. Это была очень хорошая распродажа на целый день, стоившая больших денег. Каждые два часа в Аркадак посылали надежного друга, чтобы обменять "Sharv-uncse", старые русские деньги, которые быстро теряли свою ценность, на новые русские рубли. Деньги не оставляли в банке, а относили обратно в деревню и прятали у желающих, надежных друзей, пока мы не могли уехать. Мы не осмелились оставить их у себя, потому что ночью к нам постоянно приходили бандиты, и потому что, если бы они лежали в банке, правительство узнало бы, сколько у нас денег. Для тех друзей было очень рискованно оказывать нам такую любезность. Только один человек предал нас, и мы ничего не могли с этим поделать. За это время было совершено несколько поездок в Москву для получения необходимых документов. Пришлось в спешке добираться до латвийской границы. В течение шести месяцев мы жили в нашем доме, где почти не было мебели, не было своего молока и яиц. Для поездки в большую плетеную корзину, похожую на сундук, положили печеные и жареные булочки (Zwieback) и ветчину, которую несколько дней коптили на медленном огне, чтобы она сохранилась. Как они достали молоко и масло, чтобы испечь все эти Zwieback для поездки, я не знаю - они, должно быть, купили их, и необходимость покупать все сильно осложняла ситуацию с

деньгами. Первые несколько дней поездки мы ели яйца вкрутую и копченую колбасу, но они хранились не так хорошо, как ветчина. В качестве питья мы пили чай и "Pripps" - домашний жареный ячмень. Мы ели хорошо, но большого разнообразия еды не было. Мы отправились в Арчикуву, которая находилась в сорока милях от Аркадака, где мы сели на поезд. Для этой поездки использовались три сани. Затем поезд доставил нас в Москву. Там мы жили в семье К. Ф. Классена, который снимал для этой цели комнаты. Мы пробыли там совсем недолго, когда пришли наши паспорта. Когда Москва осталась позади, напряжение немного спало, но еще оставался контрольно-пропускной пункт в Зебеже, прежде чем русский персонал покинул поезд, а латышский персонал поднялся на борт. Мы, должно быть, пробыли там какое-то время, потому что нам дали еду - очень соленые сардины, горячее какао, хлеб и клубничное варенье. Последние два блюда нам очень понравились, потому что к этому времени мы уже очень устали от жареного цвибека, холодной ветчины, приппов и чая. Наконец-то мы добрались до Риги в Латвии - и до свободы. Но в Риге нам предстояло преодолеть еще одно препятствие: медицинский пункт, который проверял нас на вшей, клопов и трахому (глазное заболевание). Тем, у кого диагностировали трахому, приходилось многократно выжигать глаза голубым камнем. Ни у кого из нас этого не было, но Анне "лечили" глаза, из-за чего она полностью потеряла зрение на левый глаз. Ее волосы были сострижены в большие косы, из-за чего она выглядела ужасно. В Риге они также подвергли все наши вещи процессу дезинфекции, в результате чего многие из наших чемоданов практически развалились из-за грубого обращения и очень жаркой температуры, через которую им пришлось пройти. Было много ликования по поводу того, что мы наконец-то покинули Россию. После ночного путешествия мы прибыли в Киль, где сели на небольшой пароход, который повез нас через Северное море, Кильский канал и Ла-Манш. Из-за волнения воды почти все испытали морскую болезнь. Питание на

этом судне было очень скудным, поэтому нам снова пришлось питаться самостоятельно. По прибытии в Ливерпуль нас доставили в Саут-Гемптон на поезде. В Англии нас задержали примерно на неделю. Нас разместили в казармах, которые находились в бедном районе, где часто воровали. Нас снова подвергли знакомой процедуре санитарного контроля и дезинфекции багажа. Наконец нас доставили в порт Саутгемптон на поезде. Пока мы были в Англии, за все платила Канадская Тихоокеанская железная дорога. Корабль, который должен был перевезти нас через Атлантический океан, был H.M.S. Montcalm. Нам предоставили хорошие каюты, так как мы теперь ехали первым классом. Удаление от России как можно дальше облегчило наши отягощенные сердца. Но все равно было нелегко, потому что теперь нас настиг языковой барьер. Питание было очень хорошим, но большинство из нас снова испытали морскую болезнь и не могли есть в течение семи дней, которые мы провели на корабле. Нашим пунктом назначения должен был стать Сент-Джон, Канада, но, поскольку в начале апреля воды еще не замерзли, мы высадились в Галифаксе, Новая Шотландия, 25 апреля 1924 года. Оттуда мы отправились в Монреаль, затем в Розенфельд, Манитоба, к семье Дж. А. Тиссена, которая нас спонсировала. Когда мы смотрели из окна поезда, "Канада, страна изобилия" бросала тревожные взгляды на лица наших родителей. Кустарник и большие плоские камни не выглядели так, как будто здесь можно собрать большой урожай пшеницы. Мы были заинтересованы только в том, чтобы снова стать хорошими фермерами. В письмах, которые мы получали, говорилось о плоских землях, хорошо подходящих для выращивания зерновых. Канада выглядела совсем не так, как нам представлялось. Не все люди с пониманием относились к меннонитам, которые не знали английского языка. Некоторые новые иммигранты оказались "использованы" землевладельцами для выполнения тяжелой работы, в то время как они собирали деньги и платили работникам очень мало. Говорить и читать по-английски было

труднее всего для наших родителей, но они сделали это. Отец на горьком опыте научился читать и изучать каждую бумагу, прежде чем подписать ее. Его столько раз обманывали, что это стало его главной заботой.

Gerhard Friesen (1882-1966). Katharina (Friesen)

Giesbrecht. Медицинским экспертом, назначенным в Григорьевку для эмигрантов, был доктор Drury. Когда отец вернулся домой, он сказал, что доктор Drury будет жить с нами. У нас был большой дом, и мы часто держали у себя людей, которым негде было остановиться, по несколько недель подряд. Мать сильно разволновалась: "Я не умею готовить английскую еду", - сказала она. "Мы попросим 'dee Lehra Dicksche", - сказал отец. Мы не смогли удержаться, чтобы не приподнять крышку чемодана доктора Drury, чтобы посмотреть, какая у него одежда. Когда я сказала сестрам, что одежда, лежащая сверху, была пижамой, мы с девочками удивились, почему иностранцы делают такие странные вещи - мы снимали с себя одежду на ночь, англичане, очевидно, что-то надевали. Мы были осторожны, чтобы не попасться на глаза моим многочисленным братьям во время этого запрещенного визита, потому что знали, что они немедленно сообщат о нас — kloage, как мы называли это на нижненемецком. И вот мы были готовы сделать серьезный шаг! Мы отправились в Москву на поезде, через Красные ворота в Зебеже и далее в Ригу, Латвия. Там мы сели на корабль, чтобы пересечь беспокойное Северное море и высадиться в Англии, где нас перевезли в Атлантик Парк, Саутгемптон. Мы прошли еще один тщательный медицинский осмотр, в результате которого выяснилось, что несколько членов нашей семьи были задержаны из-за трахомы. Отец сразу же решил, что мы все останемся в Атлантик-Парке на месяц в надежде, что лечение позволит нам всем вместе отправиться в Канаду. В то время мне было пятнадцать лет. Когда месяц закончился, переводчик сказал отцу, что двум моим сестрам придется остаться еще немного. Наши

родители с сожалением приняли это предложение, надеясь на улучшение ситуации до отплытия следующего корабля в Канаду через четырнадцать дней. Никто из нас не подозревал, что для заживления детских глаз потребуется год и три месяца.

Tina Krahn (b. Aug. 3, 1911). Мы жили в Григорьевке до моего четырнадцатилетия, когда наша семья уехала в Канаду. Когда было принято решение об эмиграции, все должны были пройти медицинское обследование. У меня и Сары была диагностирована трахома - страшная болезнь глаз, из-за которой многие не смогли уехать. В течение шести месяцев нас возили к врачу в Петровку на лошадях и колясках для лечения глаз. Наконец 18 сентября 1925 года мы уехали без проблем со здоровьем.

Из воспоминаний о Питере Б. Кран (1896-1964). Глава 12: Семья Бернгарда и Хелены Кран. «Но у дедушки Петерса были другие планы. Никакого зятя из Хортицы! Его отношение было типичным для того времени. **Колония Хортица была основана сначала в основном безземельными и лишенными земли представителями прусской меннонитской общины. Они были склонны к консерватизму и традициям и, по крайней мере, вначале меньше поддерживали высшее образование. Группа Молочна состояла из более прогрессивных меннонитов, которые последовали позже и чувствовали себя несколько выше первоначальной группы**» (страница 185).

Петр Кран продолжал жить в Григорьевке, сначала как учитель, потом как бухгалтер. Он не стал преподавать коммунистическую идеологию, как того требовало государство. От имени деревни он был послан в Москву, чтобы попросить разрешения на эмиграцию оставшихся меннонитских поселенцев (девятью паспортами), но ему было отказано. Настойчиво добиваясь своего, он получил медицинское разрешение для своей семьи в 1926 году, а осенью 1928 года - паспорта и визы. К моменту их отъезда осталось только три меннонитские семьи. Григорьевка как меннонитское

поселение перестала существовать. Те, кто не смог эмигрировать, вернулись в колонии Хортица и Молочна в надежде на большую безопасность. Хотя Григорьевка была избавлена от печально известных набегов разбойничьих банд, серьезные инциденты все же случались. Один сельский учитель, Дитрих Дик, был убит по дороге за мукой. Дедушка Петерс, ответив на стук в дверь, был выведен на улицу, раздет до трусов под дулом пистолета и ограблен, отобрав одежду, деньги и другое имущество. По мере распространения страха фермы спешно продавались русским покупателям. "Вот и мой отец тоже продался русским", - сказала мать. Она считала это прискорбным. Перед эмиграцией пришлось пережить болезненные проводы. Григорьевка осенью 1928 года они готовились к отъезду в Канаду. Их русские соседи были опечалены их отъездом. "Отец им нравился, и они ему доверяли", - говорит мать. После аукционной продажи последовал прощальный ужин, который устроили их соседи, с большим количеством выпивки в русском стиле. Мать очень переживала из-за позднего часа. До станции Гавриловка было семь миль, ехать предстояло по темным переходам, но десять вооруженных мужчин на лошадях сопровождали их крытый соломой открытый вагон и благополучно доставили их на станцию. Четверо или пятеро русских помогли им разместиться в поезде, а затем поцеловали их на прощание со слезами, текущими по щекам. Это было эмоциональное и ироничное прощание. Мы бежали от коммунизма, но радушные русские крестьяне оплакивали наш отъезд, а не радовались или ликовали. Путь нашей семьи лежал на поезде в Москву и Ригу, Латвия. На границе между Россией и Латвией был широкий арочный шлюз, где поезд притормозил, чтобы дать возможность обменяться экипажами. Со смешанным чувством облегчения и грусти мои родители смотрели, как их родина исчезает вдаль. "Нас искупали и продезинфицировали — это хорошо, - сказала мама, - потому что в России было много вшей. Мы сели на корабль "Балтара", чтобы пересечь Балтийское и Северное моря до Саутгемптона - трехдневное путешествие по

бурной воде, вызвавшее общую морскую болезнь. После стоянки в Саутгемптоне в течение нескольких дней мы пересели на корабль "Императрица Шотландии" для восьмидневного перехода в Квебек.

Abram Kroeger (1844-1907). Абрам Крюгер был одним из основателей деревни Григорьевка. Он вместе с **Герхардом Редекоппом** получил мандат на покупку земли для деревни у генерала Щербакова. Крюгер был родом из Georgsthal, а **Редекопп** - из **Michelsburg**, оба из **Fuerstenland**. У него был энергичный характер, и иногда он был весьма решителен в своих суждениях при планировании новой деревни. Говорят, что он считал, что никому из Молочны не должно быть позволено приобретать собственность в новом поселении. Возможно, это было сказано в добродушно-шутливой манере, поскольку между меннонитами Старой колонии и Молочны часто возникали словесные перепалки, никогда не принимавшиеся всерьез, что придавало пикантности их спокойному образу жизни. Так, жители Старой колонии (Altkolonier), гордившиеся своим красивым величественным Днепром, дразнили молочан за отсутствие большой реки, говоря, что молочане купаются в летних непаханых полях. Как оказалось, несмотря на господина Крюгера, значительная часть жителей Григорьевки были зажиточными меннонитами из Молочны. Абрам Крюгер был также первым церковным служителем в Григорьевке. Многие люди старшего поколения помнят этого ревностного служителя церкви, который во время своих длинных проповедей будил задремавших в жаркое воскресенье прихожан, громко называя их имена. В повседневной жизни он был хорошим фермером с особыми талантами в ремонте техники и практическими знаниями. Он также был отличным, известным Trajchtmoaka (chiropractor, мануальным терапевтом), дар которого унаследовали некоторые его сыновья.

Анна (Савацки) и Абрам Крогер (1844-1907)